

Хроника научной жизни

Международная конференция «Жизнь в империи: биографические подходы как деколониальная практика»

(Кельнский университет и Музей Раутенштрауха-Йоста,
30—31 марта 2023 года)

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_388

Конференция «Жизнь в империи: биографические подходы как деколониальная практика» призвана была подвести итог четырехгодичного исследовательского проекта «Вильгельм Йост и колониальные коллекции: тесные отношения», реализованного кельнским Музеем Раутенштрауха-Йоста в 2019—2023 годах при поддержке Фонда Фрица Тиссена. На первый взгляд институциональный заказ может показаться если не единственной, то уж точно основной причиной столь продолжительного и пристального внимания к фигуре не самого известного германского путешественника XIX века, одного из множества ему подобных (в немецком языке даже есть специальное слово для обозначения этих колониальных авантюристов — *Forschungsreisender*, «путешественник-исследователь»; раньше оно звучало гордо). Но именно такая рамка проекта позволила выкристаллизовать методологический принцип, который лег в основу концепции конференции: выход на масштабную проблематику насилия, сопряженного с колониальной «наукой», через максимально конкретный биографический фокус.

Как объяснили в своем вступительном слове организаторы конференции Анна Хэмминг и Карл Дойсен (Музей Раутенштрауха-Йоста, Германия), внимание к отдельному человеку как агенту имперской власти позволяет, среди прочего, акцентировать аффективное измерение колониализма. Сами колониальные администраторы, путешественники, торговцы и другие представители «цивилизованного» мира стремились проецировать образ рациональных субъектов, движимых исключительно абстрактными идеями и четко вербализуемыми мотивами, такими как долг, прибыль или прогресс. Их невозмутимости и эмоциональной холодности (тому, что в британском контексте называется *stiff upper lip*) противопоставлялись дикие страсти, предположительно царившие на колонизируемых территориях, жители которых представлялись жестокими, трусливыми, жадными и совершенно неспособными контролировать сиюминутные импульсы.

Однако эта дискурсивная конструкция, безусловно, нуждается в пересмотре. История жизни Вильгельма Йоста, который пренебрег работой в семейной сахар-

ной компании (в какой-то момент крупнейшей в Германии), чтобы удовлетворить свою тягу к путешествиям и собиранию этнографических артефактов, наглядно показывает, что рациональные объяснения и даже гипотетические интересы науки зачастую выступают лишь оправданием приватной одержимости. По замечанию Карла Дойсена, формирование антропологических коллекций неотделимо от двигавших собирателями аффектов и эмоций, среди которых могли быть как азарт и жажда обладания, так и чувство вины или отвращения.

Биографический фокус позволяет заострить внимание на переживаниях не только исторических персонажей, но и исследователя, который со своей стороны также вступает со своими героями в «тесные отношения». Эти эмоции в любой момент грозят выйти из-под контроля в силу зачастую шокирующих обстоятельств изучаемой биографии, и важнейшим методологическим вопросом становится следующий: как историку империи работать с собственными чувствами, не подавляя их, но и не давая им полностью подчинить себе исследование? По мысли организаторов конференции, дискомфорт, вызываемый источниками, может стать одним из ключевых инструментов деколонизации знания — если только не превратится в источник resentimenta и двигатель реакционной политики. Но и в этом смысле столкновение, так сказать, лицом к лицу с отдельными людьми в их противоречивой сложности предположительно может уберечь от чересчур категоричных оценок прошлого, побуждая к постоянной ревизии исследовательской перспективы.

На изучение империи через призму эмоций и аффектов организаторов конференции вдохновили работы Энн Лоры Столер и ее концепция «малой», или «минорной»¹, истории. В этом ракурсе колонизация рассматривается «снизу», в микроисторической перспективе повседневных взаимодействий, частной жизни, мыслей и чувств. Это позволяет увидеть, как опыт имперского насилия в его многообразных формах входит в плоть и кровь его агентов, потерпевших и свидетелей. Безрадостные будни «героев» империи — не пафосное «бремя белого человека», а бесконечная неудовлетворенность и потерянности — наглядно обнаруживают непомерную человеческую цену и экзистенциальную нелепость имперского проекта.

Понятие «тесные отношения» (*intimacies*), использованное в названии исследовательской инициативы, из которой выросла конференция, также позаимствовано у Столер. В ее работах под этим подразумевается прежде всего сфера интимного в буквальном смысле — сексуальные практики, а также семейный уклад и воспитание детей. Однако это лишь точка входа в более обширную проблематику контролируемой или принудительной близости: не случайно, отмечает Столер, заморские владения именовались колониями, как и пенитенциарные учреждения². В рамках исследовательского проекта Музея Раутенштрауха-Йоста в фокусе внимания оказались в первую очередь «тесные отношения» между собирателем колониальных коллекций и объектами коллекционирования, и для конференции эта тема также стала одной из основных, получив отражение в большинстве докладов. Но в более общем смысле можно говорить об аффекте в целом как о генераторе

1 Столер обыгрывает различные значения английского слова *minor* — младший, малый, второстепенный, незначительный и минорный. Как объясняет сама исследовательница, она придумала этот термин по аналогии с «малой литературой» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Вместе с тем музыкальные (и, конечно, эмоциональные) коннотации этого слова также весьма важны для Столер: так, она пишет о «жалобных нотах истории в “минорном ключе”», противостоящих «крещендо мажорных аккордов» «большой» истории (*Stoler A.L. Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Common Sense. Princeton: Princeton University Press, 2008. P. 52, 245, 278*).

2 *Stoler A.L. Carnal Knowledge and Imperial Power: Race and the Intimate in Colonial Rule. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press. P. xvi.*

близости, от которой невозможно ускользнуть, спонтанной связи, способной преодолеть сотни лет и тысячи километров и безоговорочно компрометирующей помешанных на расовой и культурной «чистоте» колонизаторов.

Наряду с Энн Лорой Столер, другим важным для организаторов конференции автором стала теоретик визуальности Джоханна Друкер. В программной статье 2011 года³ Друкер подняла вопрос о методологической корректности привычных способов визуализации данных (таких, к примеру, как графики и диаграммы), а также привлекла внимание к интеллектуальным допущениям, подразумеваемым самим словом «данные». Его буквальный смысл предполагает, что речь идет о некоей объективной данности, вуалируя тем самым процесс конструирования любого знания, неизбежно ситуативного, условного и избирательного. Друкер настаивает на том, что инструменты визуализации должны делать видимой исследовательскую интерпретацию как неотъемлемую составляющую полученных сведений, а термин «данные» (data) она предлагает заменить на «взятые» или «захваченные» (capta). Таким образом подчеркивается активный характер производства знания, которое отнюдь не сводится к описанию реальности как таковой, а неизменно модифицирует ее тем или иным образом.

Применительно к тематике конференции с ее уклоном в этнографическое собирательство противопоставление «данных» и «взятых» приобретает дополнительный смысл, позволяя акцентировать физическое и символическое насилие, которым зачастую окрашено происхождение музейных объектов. Говоря о «данных» в этом контексте, мы исходим из добровольности транзакций, в результате которых формировались коллекции, или попросту сбрасываем со счетов значимость собираемых артефактов (в том числе таких, как сакральные предметы и человеческие останки) для сообществ, у которых они были отняты во имя науки. В этом смысле антропологические коллекции являются наиболее проблематичными и ярче всего демонстрируют спираль колониального насилия: буквальное превращение человека в вещь, расчленение и отторжение частей тела — которые затем используются, среди прочего, для доказательства эволюционной «отсталости» неевропейских народов, легитимируя тем самым любую жестокость по отношению к ним.

Эта логика, выглядевшая незыблемой для многих (хотя не всех) агентов империи, оказалась законсервированной в современных музейных фондах в виде тщательно проинвентаризированных, но безымянных черепов (а также целых скелетов или мумий, отдельных костей, мозгов и других органов). Увидеть в этих «единицах хранения» людей — первостепенная задача исследователей колониальной антропологии. С другой стороны, внимание к коллекциям и процессу их формирования позволяет увидеть, как индивидуальность собирателей распадается на предметы, которыми они стремились себя окружить. По мысли Анны Хэминг, «коллаж» (частным случаем которого можно назвать коллекцию) является гораздо более продуктивным для биографического исследования форматом, чем линейное повествование, сама хронология которого поддерживает европоцентричные идеологические конструкции, такие как «цивилизация» и «прогресс».

Аналитическая ценность альтернативных способов репрезентации биографий, с одной стороны, и роль биографических обстоятельств в производстве научного знания — с другой, побудили организаторов конференции выделить наряду с отдельными тематическими секциями объединяющие их концептуальные оси — «Исследование» (Researching) и «Рассказывание» (Narrating). Последовавшая за

3 *Drucker J. Humanities Approaches to Graphical Display // Digital Humanities Quarterly. 2011. Vol. 5. No. 1. <http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/5/1/000091/000091.html>*

выступлением организаторов первая секция, «исследовательская», носила название «Наука и насилие». Ее модератор *Сираж Расул* (Университет Западно-Капской провинции, ЮАР) во вступительном слове указал на то, что, подобно тому как за понятием «колониализм» скрывается гетерогенность локальных практик, было бы ошибкой рассуждать о некоей единой, транснациональной западной науке, ведь, к примеру, английское *science*, хотя и переводится немецким *Wissenschaft*, отсылает к иной системе институций, практик и представлений. Не менее многолико и насилие, хотя здесь имеет смысл говорить не столько о национальной специфике, сколько о бесконечном многообразии форм доминирования, принуждения, лишения субъектности в рамках каждого имперского проекта. Расул подчеркнул, что за последнее время само понятие насилия было расширено и переосмыслено, включив в себя такую категорию, как эпистемическое насилие. Внимание исследователей к роли знания в качестве инструмента насилия и власти, в которой оно совершается, сделало возможной постановку проблемы, заявленной в названии секции.

Секция открылась докладом *Кэтрин Байбер* (Сиднейский технологический университет, Австралия) «*Касаемо смерти Джо Говернора: насилие судмедэкспертизы и торговли телами среди ученых*». Докладчица обратилась к эпизоду гибели и последующей аутопсии коренного австралийца, находившегося в бегах в 1900 году после совершенных им убийств белых колонистов. Статус преступника предопределил бесцеремонное обращение с телом Джо Говернора, вскрытие которого происходило на бильярдном столе в питейном заведении неподалеку от того места, где беглеца застрелили преследователи. Это зрелище должно было иметь не только назидательный смысл, но и научный, как показывает подробный протокол аутопсии с акцентом на расовых особенностях погибшего.

Местный врач, проводивший вскрытие, забрал себе мозг Говернора как ценный экземпляр, который впоследствии стал объектом обмена в сети коллекционеров, чье сообщество сформировалось в том числе благодаря знакомствам, завязавшимся во время их учебы или работы в Эдинбургском университете. Не удивительно, что в этом научном центре со временем оказалась сосредоточена огромная коллекция человеческих останков. К настоящему моменту сотни из них возвращены коренным народам, чьи предки когда-то превратились в материал для научных исследований. Однако мозга Джо Говернора, по-видимому, не было среди реституированных останков — после череды коллекционеров следы его теряются, и хотя Кэтрин Байбер потратила на его поиски годы, ей до сих пор не удалось его локализовать. Докладчица также рассказала о совместной работе⁴ с потомками Джими Говернора, брата Джо и его сообщника в преступлениях, казненного в 1901 году. Она отметила, что для коренных австралийцев смысл, формы и назначение знаний о трагическом прошлом их народов, а также требования к реституции останков предков могут быть совершенно иными, чем для исследователя европейского происхождения. Сами слова «наука» и «исследование» в их глазах настолько скомпрометированы колониальной антропологией, что неизбежно вызывают недоверие и едва ли применимы к поискам исторической правды.

Доклад *Мари Офман* (Университет Лилля, Франция) «*Жизнь колониального путешественника: переосмысление биографии Альфонса Пинара в контексте его собирательских практик*» также затронул тему человеческих останков как объектов коллекционирования. Если в центре биографических исследований Кэтрин Байбер находятся колониальные субъекты, то Офман в своем выступлении,

4 Правнучка и праправнук Джими участвовали в создании сценария и озвучке подкаста о жизни и гибели братьев Говернор «Последние изгои» (<https://thelastoutlaws.com.au>), подводящего итоги многолетнего исследования Байбер.

напротив, сосредоточила внимание на биографии апологета колонизации, сыгравшего немаловажную роль в развитии колониальной антропологии⁵. Докладчица проследила упоминания Альфонса Пинара в американской и французской прессе начиная с 1870-х годов, где он из просто «путешествующего по Аляске» со временем превратился в «профессора Пинара, знаменитого путешественника и ученого» — благодаря не только собранным им ценным коллекциям, но и его собственной наглости и тщеславию в совокупности с не вполне добросовестной работой журналистов.

Медиарепутация, сложившаяся при жизни Пинара, поддерживается до сих пор — например, в «Википедии», где он назван «французским ученым, лингвистом, этнологом и коллекционером, специалистом по Американскому континенту»⁶, а также в музеях Франции, фонды которых пополнились собранными им артефактами. Мари Офман отметила, что воспроизведение подобных апологетических нарративов нередко рассматривается как свидетельство «нейтральности» музейного сообщества, избегающего вовлекаться в острые идеологические баталии современности — однако, по ее мнению, в этом скорее проявляется пассивность институций, инерция их работы. Представлять Пинара «ученым» — значит закрывать глаза на экономические и политические контексты его собирательства, а также на то, что ради формирования коллекций по заказу французских музеев (то есть фактически в погоне за наживой) он не гнушался никакими средствами, включая обман, кражу или вымогательство.

В противовес этому *Петер Шрёдер* (Федеральный университет Пернамбуку, Бразилия) в докладе «*Колониальный или нет, вот в чем вопрос: Курт Нимуендажу как собиратель коллекций для бразильских и европейских музеев*» нарисовал, по словам самого докладчика, необычный портрет европейского антрополога в колониальных декорациях. Рано осиротевший уроженец Йены Курт Ункель обрел своего рода «приемную семью» в южноамериканском племени апапокува, где ему дали имя Нимуендажу («Тот, кто построил себе дом»), которое впоследствии, при получении бразильского гражданства, он зарегистрировал в качестве официального. В отличие от многих его коллег, чье собирательство носило откровенно грабительский характер, Нимуендажу, по словам Шрёдера, в отношениях с коренным населением Бразилии руководствовался исключительно принципами взаимности, и сохранение традиционных культур было его главным приоритетом. Так, он даже предпринял попытку возобновить угасшее у индейцев апинайе изготовление ритуальных масок, и, что, пожалуй, более важно, содействовал закреплению прав на землю за народом канела.

Сираж Расул в комментарии к докладу Шрёдера поставил под сомнение возможность написать единую и непротиворечивую биографию Нимуендажу (как, впрочем, и любого другого антрополога первой половины XX века) и привлек внимание к отдельным формулировкам в докладе, как будто проговаривавшимся об

-
- 5 Так, по крайней мере некоторые примеры, приводимые во влиятельной работе Армана Катрфажа и Эрнеста Ами «Расовые черепа» (*Quatrefages A., Hamy E.-T. Crania Ethnica: Les crânes des races humaines décrits et figurés d'après les collections du Muséum d'histoire naturelle de Paris, de la Société d'anthropologie de Paris et les principales collections de la France et de l'étranger*. Paris: J.B. Baillièrre et fils, 1882), базировались на останках, приобретенных Пинаром для Национального музея естественной истории.
- 6 Alphonse Pinart // Wikipédia. https://fr.wikipedia.org/wiki/Alphonse_Pinart. Статья в англоязычной «Википедии» дословно воспроизводит это определение; в русской версии нет отдельного слова «ученый», но постулируется принадлежность Пинара к ряду научных дисциплин («лингвист, антрополог, этнолог»).

иной, более мрачной истории. Так, модератор счел показательным, что, описывая склонность антрополога к индивидуальным полевым экспедициям (он отказался работать вместе даже с Леви-Строссом!), докладчик назвал Нимуендажу «волком-одиночкой» (*lone wolf*). Насильственные обертоны этого выражения (которое в английском языке используется среди прочего для описания террориста, действующего в одиночку, например школьного «стрелка») могут косвенно указывать на пропущенные в выступлении Шрёдера страницы биографии Нимуендажу⁷.

Стремлением заглянуть за грань видимого, подвергнуть сомнению напрашивающиеся сами собой интерпретации был проникнут доклад *Николаса Миллера* (Кельнский университет, Германия) «*Архивы немецких путешественников-исследователей в Гавайском королевстве: коллекция, колониализм и трудовая миграция на плантациях*». Для подробного анализа в своем выступлении докладчик выбрал несколько фотографий из обширного архива Эдуарда Арнинга — англо-германского дерматолога, который в середине 1880-х годов отправился на Гавайи в качестве эксперта по проказе (и даже ставил там с разрешения местных властей эксперименты на людях). Однако снимки, на которых сосредоточил внимание Миллер, относятся не к профессиональной деятельности Арнинга, а к его хобби — этнографии.

На первый взгляд они представляют собой типичные этнографические изображения, иллюстрирующие контраст между современной цивилизацией и «застывшими во времени» традиционными культурами, показывая одетых по моде того периода европейцев в компании полуголых «туземцев» с первобытными орудиями труда и экзотическими предметами культа. При этом подписи указывают, что запечатленные на снимках люди — аборигены Микронезии и архипелага Новые Гебриды (сейчас — Республика Вануату), территорий, которые от Гавайев отделяют тысячи километров по морю. Перемещение этих людей на столь далекие расстояния было связано с бурным развитием плантационной экономики на Гавайях (именно в это время страна начала экспортировать свой сахар в США), создавшим необходимость в дешевой рабочей силе. Соответственно, аборигены, позирующие на фотографиях с этнографическими объектами — вероятно, из коллекции самого Арнинга, — находятся отнюдь не где-то вне исторического времени, а, можно сказать, в эпицентре современности и глобализации. Увидев в амплуа «дикарей» своего рода маску (собранную в том числе из материальных артефактов), закономерно усомниться не только в документальных свойствах фотографии, но и в валидности этнографического знания как такового. В этой связи, как отметил Сираж Расул в комментарии к докладу, возможно, правильнее было бы вообще отказаться от формулировки «этнографические объекты», говоря вместо этого об объектах, подвергшихся этнографизации.

Обсуждая во вступительном слове к конференции, что именно подразумевает деколонизация знания и музейных практик, Карл Дойсен отдельно отметил важность диалога с учеными и художниками из бывших колоний и их диаспор во всем мире. Этот аспект деколонизации был вполне успешно реализован в рамках самой конференции: количество участников неевропейского происхождения хотя и оказалось меньше числа представителей бывших метрополий, все же было существен-

7 Хотя об этом не шла речь на конференции, нельзя не отметить, что английское *wolf* имеет также коннотации сексуальной агрессии и распущенности («бабник», «кобель»). При этом существуют указания на то, что загадочная гибель Нимуендажу могла быть связана с его сексуальными похождениями среди юных индианок (см.: *Welper E. Da vida heroica ao diário erótico: sobre as mortes de Curt Nimuendajú // MANA. 2016. Vol. 22. No. 2. P. 551—586*).

ным. В значительной степени широкому географическому охвату мероприятия, вероятно, способствовал онлайн-формат, однако сам по себе он не в состоянии производить многообразие, и усилия, которые предприняли организаторы, для того чтобы на конференции смогли прозвучать разные голоса, безусловно, заслуживают похвалы. Было бы интересно узнать больше о биографиях самих участников в контексте истории империй⁸, но, к сожалению, этот аспект темы конференции почти не был затронут в докладах.

Патрис Нгананг (Университет Стони-Брук, США), чья пленарная лекция завершала первый день заседаний, изначально предполагал автобиографический ракурс в своем выступлении, сформулировав его заглавие следующим образом: «Читая немецкую колониальную этнографию, чтобы написать мои собственные мемуары». В итоге его презентация называлась совсем иначе: «*Вписать себя во вселенную*» — и акцент в ней был сделан на фигуре немецкого «путешественника-исследователя» Гюнтера Тесмана. Но даже изменившийся замысел носил следы автобиографической рефлексии: Нгананг, выходец из Камеруна, вынужденный покинуть свою страну из-за раздирающих ее этнических конфликтов, предложил увидеть их корень в антропологических дефинициях. Именно Тесман впервые описал и классифицировал населяющие Камерун народности, однако сделал он это в нейтральных, по оценке Нгананга, неиерархических терминах. Позднее разработки Тесмана оказались присвоены французскими антропологами, которые пришли в Камерун вслед за французскими войсками во время Первой мировой войны, и переосмыслены в политическом ключе. Представления о том, какие народности составляют «коренное» население Камеруна, оказались включены в конституцию страны и легли в основу государственной идеологии, дискриминирующей этнические группы, которые были признаны «инородными».

Сквозным мотивом доклада при этом несколько неожиданным образом стали деревья: помимо этнографии Тесман увлекался ботаникой и активно «открывал» флору Камеруна, присвоив свое имя в общей сложности 174 видам растений. Именно эта его деятельность отразилась в итоговом названии доклада Нгананга: подобно Альфонсу Пинару, который, как показала в своем выступлении Мари Офман, был одержим желанием оставить след в истории, и буквально (нацарапав свое имя и дату путешествия на скалах, где, по его мнению, раньше не ступала нога белого человека), и метафорически (назвав в честь себя впервые описанный им залив), Тесман, по-видимому, мечтал о славе и бессмертии и примерял на себя роль не то демиурга, не то первочеловека, в чьей воле именовать все вокруг, тем самым заявляя о своих правах на описанный им мир.

Этот сюжет получил логичное продолжение в секции «Имперские автопортреты: полевые заметки, коллекции, архивы», открывавшей второй день конференции и помещавшей в фокус внимания «рассказывание» биографий. *Кэтрин Тайсхерст* (Сиднейский университет, Австралия) в докладе «*Портрет антрополога как молодой белой женщины*⁹: интерпретируя конфликты в полевом дневнике» подняла вопрос о том, что документация антропологических наблюдений может сообщить о фигуре ученого через ее отражение в восприятии изучаемого сообщества. Героиней доклада стала австралийский антрополог Мэри Рей (Marie Reay),

8 Так, Сираж Расул своим присутствием делал видимой индийскую диаспору в Южной Африке, чье существование и нынешнее положение во многом представляют собой наследие Британской империи.

9 Английское заглавие доклада («A Portrait of the Anthropologist as a Young White Woman») обыгрывало название романа Джеймса Джойса «Портрет художника в юности» («A Portrait of the Artist as a Young Man»), имеющего черты автобиографии.

проводившая свои первые полевые исследования на юго-востоке континента в середине 1940-х годов. Ее полевой дневник фиксирует настороженную враждебность, которую вызывали у коренных жителей ее визиты и расспросы. В условиях расовой сегрегации и действия государственных программ по изъятию детей у аборигенных семей в целях их лучшей ассимиляции такое отношение к антропологу было закономерным.

И действительно, деятельность Рей была связана с Советом по вопросам улучшения быта аборигенов штата Новый Южный Уэльс — организацией, в чьи полномочия входило насильственное переселение коренных жителей и их помещение в специальные учреждения. Хотя антрополог напрямую не участвовала в принятии решений о подобных мерах и могла их внутренне не одобрять, производимое ею знание так или иначе было одной из составляющих государственного вмешательства в жизнь австралийских аборигенов. Биографические характеристики Рей, в частности ее гендер, открывали перед ней определенные карьерные перспективы: для полевых исследований семейного уклада коренного населения Австралии специально привлекались женщины, так как считалось, что им проще будет установить контакт и обсуждать щекотливые вопросы, связанные с репродуктивным здоровьем. Не отрицая власти, которой облечена была Рей в своей экспертной позиции, представляется в то же время возможным говорить об эксплуатации самой исследовательницы машиной колониального управления. Изучение соотношения привилегий и уязвимости в положении имперских агентов, форм их соучастия, сопротивления и уклонения от реализации властных стратегий, составляет одно из активно развивающихся и перспективных направлений в деколониальных биографических исследованиях.

Филипп Мюллер (Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия) в докладе «*О возможностях биографического подхода в истории колониальных коллекций*» предложил методологическую рефлексию ограничений, связанных с использованием эго-документов колонизаторов, например их дневников и писем. На материале переписки немецкого военного Рихарда Дитриха Фолькмана, участвовавшего в войнах и карательных экспедициях в Германской Юго-Западной Африке (современная Намибия), докладчик выделил характерные особенности автобиографических нарративов о собирательстве, которые необходимо учитывать современному исследователю. Во-первых, это преувеличение собственных заслуг автора и замалчивание роли местных посредников и помощников (от колониальной администрации до носильщиков, транспортировавших грузы) в формировании коллекций. Во-вторых, тяготение к приключенческому жанру и автобиографическому амплу отважного, предприимчивого коллекционера, не чужающегося рискованных авантюр, чтобы добыть редкий предмет. В кажущемся противоречии с героизацией коллекционирования находится другая тенденция — его тривиализация. Собирательство часто описывается как хобби, которым колонизатор занимается на досуге, в свободное от основных, «серьезных» занятий (военных действий, административного управления, торговых операций) время. Тем самым вуалируется вклад коллекционеров в формирование и поддержание структур знания, делающего колониальную экспансию возможной и даже необходимой в глазах ее агентов.

В завершающем секцию докладе уже не собирательская деятельность и ее документация, а сама коллекция представала как автобиографический текст. *Ариса Лумба* (Оксфордский университет, Великобритания), озаглавившая свое выступление «*Экзотические предметы в доме и вне его: мобильность и материальность в моделировании собственной персоны и построении имперской карьеры на закате Британской империи. Коллекции в английской усадьбе Редьярда Кип-*

линг», обратилась к совокупности предметов, собранных британским писателем в его загородном доме, как к своеобразному высказыванию об империи от первого лица. Как отметила докладчица, мало что известно о происхождении этих объектов и особенно о мотивации Киплинга-коллекционера: мы не располагаем документами, которые раскрывали бы собирательские интересы и предпочтения писателя. Тем не менее сама коллекция позволяет составить о них некоторое представление, в то же время связывая индивидуальные вкусы Киплинга с более широким имперским контекстом. Так, шкуры диких животных и другие подобные экзотические трофеи отсылают к образу ловкого и бесстрашного охотника — «шикари». Это слово персидского происхождения, широко использовавшееся в Индии, было апроприровано британцами, охотившимися на крупную дичь полуострова в коммерческих целях или ради забавы. Коннотации этого понятия в английском языке включали в себя превосходство белых — «настоящих» шикари — над «туземными» охотниками, прибегающими к «бесчестным» методам, вплоть до отравленной приманки¹⁰. Неизвестно, добыл ли Киплинг собранные в его доме трофеи сам, приобрел их или получил в подарок, но в любом случае их демонстрация в интерьере усадьбы артикулирует имперский миф, выступая материальным воплощением власти над «экзотическими» землями и их природными богатствами.

Когда модератор секции, *Фрейя Швахенвальд* (Берлинский технический университет, Германия) открыла дискуссию, Карл Дойсен отметил, что тема охоты, реальной или метафорической, прошла красной нитью через все три доклада: даже в тех случаях, когда «добычей» служили материальные артефакты или информация, собиратель оказывался вовлечен в их насильственное изъятие или иную асимметричную интеракцию, «естественным образом» отводившую представителям колонизированных народов роль загнанной дичи. Это актуализирует вопрос, поставленный во вступительном слове к конференции: какие формы репрезентации имперских агентов и их архивов позволили бы наконец перестать на символическом уровне воспроизводить колониальное насилие? Как можно говорить о колониализме вне концептуальных категорий, породивших его преступления?

Интересная дискуссия возникла также в связи с вопросом, который задала *Луиза Мартен* (Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана, Германия) о влиянии собственной биографии исследователя на предмет исследования — особенно когда в центре изучения также находится фигура ученого. Филипп Мюллер в своем докладе говорил об ограничениях и искажениях, связанных с автобиографической перспективой колониального агента, но может быть, предложила поразмышлять Мартен, специфика этого взгляда и тот резонанс, который она в нас вызывает, предполагает и некие эвристические возможности? В ответ докладчицы отметили точки пересечения между их собственной идентичностью и идентичностью их героев. Ариса Лумба указала на индо-британское происхождение как на то, что сближает ее с Киплингом и стимулирует ее исследовательский интерес в той же мере, в какой, по-видимому, это биографическое обстоятельство способствовало складыванию нарративного репертуара и собирательских предпочтений писателя. Как молодая белая женщина, занятая сбором материала для кандидатской диссертации, Кэтрин Тайсхерст в еще большей степени ощущает себя двойником своей героини, Мэри Рей. Вместе с тем Тайсхерст отметила важность рефлексии собственной позиции исследователя для того, чтобы избегать ошибок колониальных антропологов, чье стремление устранить субъективные аспекты

10 См.: *Schell H. Tiger Tales // Victorian Animal Dreams: Representations of Animals in Victorian Literature and Culture / Ed. by D. Denenholz Morse, M.A. Danahay. London; New York: Routledge, 2016. P. 229—248.*

производимого ими знания приводило лишь к затемнению его идеологических оснований. Филипп Мюллер в этой связи указал на богатую традицию исследовательской саморефлексии в немецкой этнографии второй половины XX — начала XXI века, назвав в числе ее ярких примеров недавнюю автобиографию антрополога Хайке Беренд¹¹.

За нарративным собиранием биографического конструкта последовал его демонтаж — после небольшого перерыва тему «рассказывания» продолжила секция «Деконструируя имперские биографии: искусство, исследования провенанса, кураторская деятельность». Доклад *Аньес Лакай* (Королевский музей Центральной Африки, Бельгия) «*Свое собственное Конго? Коллекция Жанны Валсхот в Королевском музее Центральной Африки*» был связан с подготовкой выставки, посвященной этому уникальному собранию артефактов. Проведение выставки было оговорено в завещании 1976 года, по которому Валсхот передала музею свою коллекцию из более чем 3000 предметов (они составили существенную долю этнографических фондов этой институции). Однако в тот момент реализовать желание коллекционера оказалось невозможно: разворачивавшиеся в 1970-е годы процессы деколонизации в Центральной Африке делали более актуальными вопросы возвращения имперских коллекций в страны их происхождения, чем стратегии экспонирования этого проблематичного наследия в Европе. Спустя почти полвека музей вернулся к идее показать коллекцию Валсхот, и перед кураторами встала необходимость придумать, как в принципе могут выставляться подобные объекты в XXI веке. Биографический подход к этому собранию позволяет поместить в центр внимания необычную фигуру женщины-коллекционера и в то же время контекстуализировать ее фантазии об особой, личной связи с Африкой, где Валсхот никогда не была.

Если на продемонстрированных Аньес Лакай фотографиях коллекции Валсхот предметы оживали, превращаясь в собеседников коллекционера, ее двойников, то доклад *Тая Адлера* (Берлинский университет Гумбольдтов, Германия) «*Художественные исследования провенанса как способ взаимодействия с трудными биографиями*», напротив, возвращал слушателей к ситуациям предельной объективации человека, его сведения к инвентарному номеру. Музейные и университетские коллекции западного мира полнятся человеческими останками, происхождение которых туманно, поэтому найти какие-либо биографические сведения об этих людях представляется практически невозможным. Тем не менее Адлер и его коллеги вновь и вновь пытаются что-то узнать о них, прибегая как к естественнонаучным методам, так и к воображению. По словам докладчика, нередко мертвые являются к нему и рассказывают свои истории, которые он затем воплощает художественными средствами, в инсталляциях и видео-арте.

Вместо того чтобы экспонировать сами останки, Адлер стремится акцентировать кураторскую дилемму, связанную с их публичной демонстрацией в музейном контексте: чем лучше пренебречь — научной значимостью этих единиц хранения или возможным дискомфортом посетителей от встречи с ними? Выявить напряженность между субъектными и объектными аспектами человеческих останков, в частности, помогает включение истории их экспонирования в рассказываемую «биографию». Так, череп из коллекции Университета Гумбольдтов, который Адлер с коллегами изучали в рамках проекта «Кем был ID8470?» (2019—2022), прежде неоднократно выставлялся в контексте музейных мероприятий, иллюстрирующих развитие научного и паранаучного знания. В фокус внимания при этом помеща-

11 Behrend H. Menschwerdung eines Affen: Eine Autobiografie der ethnografischen Forschung. Berlin: Matthes & Seitz, 2020.

лась нанесенная на череп френологическая разметка, а не материальность ее «носителя», не говоря уже о личности и судьбе человека, чьи останки использовались таким образом. Выявить биографическую лакуну оказывается даже более важно, чем попытаться заполнить ее, потому что уже это позволяет перенастроить восприятие с единицы хранения на неведомого отсутствующего субъекта.

Если Адлер так или иначе пытается работать с биографией этого неизвестного, то его коллеги по Центру антропологических исследований музеев и наследия (CARMAH), о чьих подходах попросила подробнее рассказать Анна Хэминг в ходе дискуссии, которую модерировала *Штефани Михельс* (Дюссельдорфский университет им. Генриха Гейне, Германия), идут другими путями. Признавая невозможность узнать что-либо о человеке, превратившемся в коллекционный экземпляр, они ищут следы тех, кто сделал его таковым, кто в прямом и переносном смысле «оставил отпечатки пальцев на его черепе», по формулировке историка медицины Марион Хульфершайдт, которая сотрудничала с Адлером в проекте «Кем был ID8470?».

Доклад Адлера и дискуссия, развернувшаяся по его поводу, наглядно продемонстрировали взаимобратимость субъектов и объектов — в том числе в контексте кураторской работы с коллекциями и режимами зрительского восприятия. Завершившее секцию выступление *Йонаса Тиниуса* (Саарский университет, Германия), озаглавленное «*Колониальное соседство: о кураторских примечаниях и нарративах*», помещало в центр внимания опыт и установки музейных посетителей. Докладчик рассказал о проекте «Архив колониального соседства», реализуемом берлинской галереей современного искусства «SAVVY Contemporary». Используя в качестве отправной точки семейный архив основателя галереи, камерунца Бонавентуры Со Беженга Ндикунга, проект призван выявить присутствие колониального измерения в повседневности немцев. «Архив колониального соседства» постоянно пополняется за счет предметов, которые дарят посетители галереи — преимущественно жители берлинского района Веддинг, где располагается это культурное пространство. Экспозиции объектов и документов из архива помогают научиться видеть колониальное, в том числе заостряя внимание на расовых стереотипах, нормализованных репрезентациями, использовавшимися в дизайне предметов повседневного обихода и упаковки потребительских товаров. Поэтому новые поступления можно рассматривать как комментарии к уже существующему архиву, а в более общем смысле — как заметки о способах видения.

Вовлечение сообщества в диалог с институциями играет ключевую роль и в проекте «Двигать горы» («*Berge Versetzen*»), о котором в одноименной пленарной лекции рассказала художница *Ванесса Опоку* (Высшая школа графики и книжного искусства, Германия). Вместе с ней в статусе спикера значилось художественное объединение PARA — тем самым идея коллективного авторства, крайне значимая для деколониальных инициатив, распространялась не только на проект, но и на представленный в рамках конференции доклад. Целью проекта «Двигать горы» является возвращение на исходное место камня, взятого с вершины Килиманджаро — высочайшей точки Африки — немецким путешественником Гансом Мейером, покорившим этот пик в 1889 году. Мейер присвоил вершине имя кайзера Вильгельма II и подарил этому монарху половину своего геологического трофея. Вмонтированная в зал-грот в потсдамском Новом дворце, эта часть камня была утрачена во время Второй мировой войны, другую же половину вершины Килиманджаро наследники Мейера впоследствии продали австрийским торговцам антиквариатом, готовым теперь любезно уступить ее для реституции по той цене, за которую приобрели, — 40 тысяч евро. Эту сумму коллектив PARA рассчитывает собрать, продав 2000 миниатюрных реплик камня ценой 20 евро каждая. Тем са-

мым любой может поучаствовать в возвращении верхушки Килиманджаро в Танзанию — акции, формат которой ее устроители определяют как «партиципаторная реституция».

Помимо краудфандинга, проект предполагает участие сообщества в обсуждении того, насколько вообще желательно вернуть камень на место. На этот счет нет единого мнения даже среди танзанийцев: многие горячо поддерживают этот символически значимый жест, тогда как другие сомневаются в уместности такого внимания к куску горной породы, пока в европейских коллекциях находятся человеческие останки и культовые предметы. Иные критикуют модель партиципаторной реституции, полагая, что возвращение верхушки Килиманджаро не должно проводиться на средства представителей народов, пострадавших от колониализма.

Однако коллектив PARA отнюдь не стремится послушно выполнять любые условия, предлагаемые европейским культурным истеблишментом, и тем самым поддерживать сложившиеся иерархии. Взаимодействуя с лейпцигским Музеем Грасси в рамках подготовки выставки, посвященной проекту «Двигать горы», художники, по словам Опоку, хотели что-то «отнять» у этой институции, чтобы преодолеть традиционную асимметрию отношений между метрополией и колониями. Выбор пал на постамент, где находился бюст Карла Войле — директора Музея Грасси в 1906—1926 годах, при котором сформировалась значительная часть этнографических коллекций этого учреждения. В рамках плановой реконструкции музейных залов объединение PARA провело перформативную акцию разрушения постамента (скульптурный бюст при этом не пострадал), материал которого был использован впоследствии для изготовления реплик верхушки Килиманджаро, выставленных на продажу в целях сбора средств для реституции. Несмотря на то что этот постамент не являлся частью охраняемого культурного наследия (и именно поэтому был выбран для переработки), его зрелищный демонтаж вызвал широкий общественный резонанс, в котором явственно различались консервативные нотки, от представлений о деструктивной сути современного искусства до колониальных стереотипов о неевропейских народах, неспособных понимать и беречь западные ценности.

Нисколько не смущаясь этим, участники PARA продолжили эпатировать публику, пытаясь донести до немецкой аудитории проекта смысл действий Ганса Мейера в Африке. В качестве страховки на случай неуспеха кампании по сбору средств для выкупа камня у антикваров художники поднялись на высочайшую точку Германии — гору Цугшпитце — и отрезали шесть сантиметров от ее вершины. Тем самым они отзеркалили имперский жест Мейера и в то же время взяли верхушку Цугшпитце в «заложники», вновь проблематизируя границу между субъектом и объектом. Изначально в фокусе внимания проекта находился сам Мейер, однако художники вскоре отказались от такого подхода, не желая дополнительно усиливать биографический миф о «великом путешественнике». В итоге главными героями проекта стали сами камни, и в первую очередь отсутствующая верхушка Килиманджаро. Этот кусок горной породы недвусмысленно обладает собственной значимостью и, пожалуй, даже агентностью — ведь именно он вдохновляет краудфандинговую кампанию, художественные акции и опросы. В то же время он является дискурсивным объектом, который производят циркулирующие вокруг него нарративы — а также, конечно, действия людей, способных «двигать горы».

Разговор о власти имперских (квази)научных нарративов и их способности порождать реальность продолжился в следующей секции, представлявшей концептуальную ось «Исследование» и озаглавленной «Производство знания и незнания в империи». Секция, которую модерировал Карл Дойсен, открылась докладом Сары Лонгайр (Линкольнский университет, Великобритания) «Островные кол-

лекции: *колониальные биографии в Индийском океане*. Небольшие острова, составляющие такие архипелаги, как Мальдивы и Занзибар, на которых сосредоточила внимание Лонгайр в своем выступлении, соблазняли коллекционеров гипотетической возможностью досконального изучения и исчерпывающего описания их культуры. Однако предполагаемые компактность и «прозрачность» островных сообществ, их проницаемость для взгляда исследователя, оказывались иллюзорными, и собиратели этнографических коллекций сталкивались здесь со множеством препятствий — отчасти специфических, отчасти таких же, как и в других колониальных контекстах. Некоторые из этих ограничений были объективными: например, противодействие локальных правителей, стремившихся избежать расширения европейского влияния. Другие относились к установкам коллекционеров, чьи описания приобретенных артефактов выдают поразительную нечувствительность и отсутствие интереса к тем значениям, которые собираемые объекты имели в изначальном контексте бытования, для сообщества или конкретного владельца. Таким образом, если в XIX веке европейские собиратели рассчитывали сформировать на островах Индийского океана наиболее репрезентативные и ценные этнографические коллекции, то в наши дни эти территории представляются идеальным местом для изучения уже самих коллекционерских практик, их биографических и эпистемологических рамок.

Суха Хасан (Королевский технологический институт, Швеция) в докладе «*Деконструируя здание истории*» продемонстрировала, как слова могут оказаться важнее дел. В центре внимания докладчицы находилась фигура Чарльза Белгрейва (1894—1969), британского администратора и официального советника шейхов Бахрейна. Белгрейв занимал эту позицию на протяжении тридцати лет, и его влияние на политику в регионе трудно преувеличить. Однако, по мнению докладчицы, еще большее значение имеют его тексты, от автобиографии до экспертных публикаций, где Белгрейв сформулировал авторитетную интерпретацию истории Бахрейна. В наши дни эта часть британского колониального наследия в регионе только начинает переосмысляться, и выступление Хасан было направлено на первичную выработку инструментов для ее деконструкции.

Выступление *Норы Дерваль* (Еврейский университет в Иерусалиме) «*Немецкий востоковед*» в Адене: *деколонизация методологий посредством биографического подхода*» было посвящено эпизоду из биографии Генриха фон Мальтцана — экспедиции в Йемен в 1870—1871 годах. На этом точечном примере докладчица стремилась продемонстрировать, что ориентализм можно рассматривать не только как теоретическую конструкцию, но и как телесную практику. Пребывание Мальтцана в Адене показывает, насколько производство знания укоренено в повседневных отношениях между людьми (в данном случае в сложных сетях патронажа), а выбор исследовательской парадигмы может быть обусловлен неуверенностью самоучки, мечтающего об академическом престиже.

В заключительной секции, озаглавленной «Децентрировать память об империи: имперские биографии и агентность коренных народов», оси «исследования» и «рассказывания» смыкались. Докладчики предлагали слушателям аналитическое прочтение источников, их критику и реинтерпретацию, и одновременно с этим — новые истории, в которых на ключевых ролях оказывались традиционно невидимые и безмолвные колониальные субъекты. *Шрейя Гунта* (Эксетерский университет, Великобритания) в докладе «*Колониальные взаимодействия нумизматов: голоса индийцев в имперских архивах*» рассказала о том, как можно найти информацию об индийских коллекционерах и торговцах монетами в документах британских колониальных администраторов и институций. Докладчица продемонстрировала, что, вопреки конструируемому в этих источниках основным наррати-

вам, индийские нумизматы отнюдь не были пассивными поставщиками локальных древностей в британские коллекции, а формировали доступное европейцам знание о регионе; кроме того, нередко они использовали взаимодействия с имперскими агентами в собственных целях.

Тема совместного производства знания получила развитие в докладе Луизы Мартен «*Понятие диалога в биографических исследовательских подходах*». Докладчица указала на устойчивый дисбаланс в репрезентации сторон этнографических интеракций: несмотря на ключевую роль респондентов, посредников, проводников и других представителей коренных народов в межкультурном производстве знания и формировании коллекций, их участие зачастую остается анонимным или и вовсе замалчивается в академических публикациях, музейных экспозициях и других героических нарративах западной науки. Изменить ситуацию и перераспределить заслуги, по мнению Мартен, позволит внимание к обстоятельствам контакта европейских исследователей с неевропейскими сообществами. Оставаясь в рамках биографического подхода, докладчица предложила фокусироваться не на персоналиях, а на взаимодействиях, широкий контекст которых она обозначила понятием «диалог» (interlocution).

Ян Легаль (Берлинская высшая техническая школа, Германия) в докладе «*Рыба, путешествующая по Того, выныривает в Камеруне*» указал на необходимость изменить устоявшиеся в академических кругах языки описания таким образом, чтобы они отражали реальность не колонизаторов, а колонизированных народов (например, прямо называть собирание коллекций грабежом, когда фактически речь идет именно об этом). Докладчик также предложил весьма элегантное решение проблемы «главного героя» — имперского агента, неизбежно находящегося в центре внимания доступных исследователю нарративов о колониальных взаимодействиях. Героем (вернее, антигероем) выступления Легалья стал Гастон Тьерри (1866—1904), военный на немецкой службе, известный жестокими карательными экспедициями в Того, в результате которых коллекции крупнейших музеев Германии и мира пополнились ценными образцами африканского искусства и культовыми объектами. Упомянув в начале выступления, что тоголезские народы сравнивали светлокожих европейцев с рыбами, Легаль предупредил, что именно так планирует называть Тьерри, который и на слайдах презентации фигурировал с рисованной рыбьей головой на плечах. Вводя в повествование неевропейскую точку зрения, этот острабяющий прием одновременно развеивал престиж, сопряженный со статусом «собирателя» коллекций, и наглядно иллюстрировал последствия колониализма, о которых в свое время писал Эме Сезер: «колонизатор, который, чтобы успокоить свою совесть, привыкает видеть в другом животное, причучается обращаться с ним, как с животным, сам со временем претерпевает объективную трансформацию, превращаясь в животное»¹².

Подводя итоги секции, модератор *Рихард Куба* (Институт Фробениуса, Германия) отметил, что три доклада эффективно продемонстрировали спектр возможных типов отношений между колонизаторами и колонизируемыми народами. Гастон Тьерри олицетворяет полюс предельно циничной эксплуатации, грабежа и физического уничтожения неевропейских сообществ. Доклад Шрейи Гупты иллюстрировал наиболее распространенные, по мысли модератора, отношения торга, в котором каждая из сторон стремится к собственной выгоде. Наконец, в выступлении Луизы Мартен был представлен редкий случай взаимодействия, мотивированного, по всей видимости, искренним интересом жителя острова Серам (современная Индонезия) к трудам немецкой научной экспедиции 1910—1912 годов,

12 Césaire A. Discours sur le colonialisme. Paris: Présence Africaine, 1955. P. 16—17.

в работу которой он внес важный вклад. Нельзя, однако, упускать из виду и третью сторону всех этих отношений, о которой так много говорилось на конференции, — современных исследователей, чьи подходы, установки и эмоциональные реакции производят и преобразуют память о событиях, сформировавших не только коллекции этнографических музеев, но и сегодняшний мир в целом.

Ксения Гусарова

Международная научная конференция «Восприятие восточнославянских литератур на Западе и Востоке»

(Венецианский университет Ка Фоскари, 2—3 марта 2023 года)

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_402

2—3 марта 2023 года в Венеции прошла международная конференция «Восприятие восточнославянских литератур на Западе и Востоке», организованная совместно профессорами *Синъити Мурата* (Университет София, Япония), *Стефано Алоэ* (Веронский университет, Италия), *Евгением Добренко* и *Алессандро Фарсетти* (оба — Венецианский университет Ка Фоскари, Италия). Историческая роль Венеции как перекрестка культур отразилась не только в теме конференции, но и в интернациональном составе ее участников, в географической и тематической широте затронутых сюжетов. В этом обзоре будут кратко изложены некоторые из представленных сообщений.

Выступления охватывали очень широкий временной горизонт, о чем свидетельствует разделение конференции на шесть секций по хронологическим критериям. При этом во всех секциях можно увидеть единство в подходах к рассмотрению диалога между восточнославянскими литературами и литературами Запада и Востока, особое внимание к переводу и восприятию отдельных авторов, а также условиям существования жанров и литературных направлений в контексте разных культур.

В рамках первой секции, «Преломления литературной классики», выступила *Мария Грация Бартолини* (Миланский университет, Италия). В докладе «*О Могилянском подтексте в диалоге Григория Сковороды “Брань архистратига Михаила с Сатаной”*» рассматривалось произведение украинского философа и поэта Григория Сковороды (1722—1794) — ученика Киево-Могилянской академии, автора философских трактатов и диалогов. Диалог «Брань архистратига Михаила с Сатаной» (1783) примечателен тем, что в нем содержатся прямые цитаты из текстов, написанных современниками Сковороды, выпускниками Киево-Могилянской академии, Варлаамом Лящевским и Феофаном Прокоповичем. Эти цитаты были проанализированы в докладе как пример своеобразного «могилянского подтекста», проливающего свет на отношения украинского философа со своей альма-матер. В «Брани архистратига» чины ангельские, сражаясь против демонических сил, поют песню, взятую из трагикомедии В. Лящевского «Гонимая церковь» (точная дата написания неизвестна) и из эпиникии Ф. Прокоповича в честь победы царя Петра Великого под Полтавой (1709). Стихи Прокоповича были изменены для того,